

Е. С. Левина

ТРАГЕДИЯ Н. И. ВАВИЛОВА

Имя Николая Ивановича Вавилова (1887—1943) в сознании современного читателя ассоциируется прежде всего с чудовищной несправедливостью — с арестом ученого и мучительной гибелью его в заключении. Обстоятельства его смерти, вскрытые в середине 60- годов,¹ в последние два года стали широко известны благодаря многочисленным публикациям, связанным со 100-летием со дня рождения Н. И. Вавилова, дополнены воспоминаниями людей, работавших с ним или бывших с ним в заключении.

Слов нет, трагедия личной судьбы Н. И. Вавилова велика: ученый, всю жизнь работавший, чтобы накормить человечество, мучительно умирал в тюрьме от голода, от болезни, вызванной дистрофией... Он принадлежал к поколению создателей, выбитых из жизни репрессивной машиной сталинского времени нашей истории.

В 1987 г. отмечалось столетие со дня рождения ученого. Подготовленные к юбилею материалы опередили публикацию новых исторических работ, посвященных периоду 20—30-х гг., таких как «Иного не дано», журнальные варианты исследований Д. Волкогонова и Р. Медведева, издания типа «Урок дает история», «Историки спорят». (Все названные работы изданы в 1988—1989 гг.). Следствия этого обстоятельства имеют двоякий характер. Во-первых, часть юбилейных материалов все еще несет следы недоговоренности, как, например, сборник воспоминаний об академике Н. И. Вавилове² и его биография,³ изданный к юбилею 2-й том переписки ученого,⁴ из которого были изъяты последние его письма, и другие издания 1987 г. В значительной степени это объясняется длительностью периода их издания на фоне той стремительности, с которой вступало в свои права прекрасное современное понятие «гласность» (правда, многими все же не вполне отождествляемое с более определенным демократическим понятием «свобода слова»). С другой стороны, празднование юбилея ученого, взрыв интереса к его личности, острота публикуемых материалов привели к тому, что в периодических изданиях, на страницах газет, в радио- и телепередачах именно Н. И. Вавилова часто называют первым среди жертв репрессий. Значение самого юбилея для организации общественного мнения, содействующего сегодняшней перестройке, трудно переоценить.

Приведем в качестве примера один только факт.

В конце 1988 г. состоялась встреча первого секретаря Кировского обкома партии с молодежью области, записанная на видеопленку и позднее показанная по центральному телевидению. Секретарю обкома, человеку немолодому, немало лет отдавшему партийной работе и теперь известному как активисту перестройки, был задан вопрос: что именно заставило его, прежде работавшего в русле

строгую партийного контроля, так решительно изменить свои взгляды. Его ответ был кратким и достаточно неожиданным: судьба Вавилова. Это было последней каплей. (Ответ интервьюируемого приведен не дословно, но за точность передачи смысла автор статьи, слышавший телепередачу, ручается).

Вспомним также, что именно на торжественном заседании памяти Николая Ивановича Вавилова 24 ноября 1987 г. прозвучало слово осуждения лысенковщины: «Я уполномочен заявить, — сказал академик А. А. Никонов, — что современный состав ВАСХНИЛ осудил и отверг все, что связано с лысенковщиной».⁵

Яркость личности ученого, величие его гражданского подвига, трагедия его судьбы в сознании многих людей отодвигают на второй план значение того, что сделано им в науке. Анализ читательской почты, полученной редакциями популярных изданий в пред- и послеюбилейное время, показывает, что содержание научного творчества Н. И. Вавилова в значительной его части осталось неизвестным широкому читателю даже в общих чертах. Более того, минувший юбилей с его многочисленными изданиями показал, что и оценки специалистов несут порой следы тенденциозности, грешат неточностями, подхваченными и умноженными журналистами и публицистами.

Незнание рождает легенды, самые лучшие из которых все-таки уводят от исторической правды. Да, значение научного творчества Н. И. Вавилова признается всюду в мире. Вместе с тем в оценке его деятельности организатора биологической и сельскохозяйственной науки в СССР в контексте событий отечественной истории большое распространение получило мнение тех наших современников, которые, оглядывая прошлое с высоты 80-х, второпях относят Вавилова к числу общественных деятелей, бывших «в истоке всех несчастий — своих и наших». Трагедия Вавилова, на наш взгляд, складывается не только из непонимания его современниками, вплоть до осуждения на изоляцию и гибель, но только из некоторой идеализации им самим действительности, убежденности в том, что подъем сельского хозяйства в большей степени зависит от развития науки, чем от мер социального порядка, но и из недостаточного понимания его сегодня. Жизни ученого, положенной за идею реализации науки как фактора, преобразующего мир, не вернуть, но снять трагический оттенок недооценки его гражданского и научного подвига — это значит отдать дань его памяти, и такую возможность дает тщательное исследование. Рассматривая последовательно события жизни и деятельности Н. И. Вавилова и их оценки при жизни ученого и в течение почти 50 лет, прошедших со времени его гибели, попытаемся смягчить резкость мнений и остроту суждений о нем, снять обвинительный характер заключений.

Как уже упоминалось, к настоящему времени опубликован ряд книг о Н. И. Вавиллове, содержащих биографические факты. Наиболее популярная среди русских изданий биография, написанная С. Резником, вышла в 1969 г. в серии «Жизнь замечательных людей». Последняя по времени выхода книга Ф. Х. Бахтеева опубликована в 1987 г. Несмотря на то что издания разделяет почти 20 лет, ни одно из них не содержит описания более чем двухлетнего тюремного заключения: 11 месяцев следствия во внутренней тюрьме НКВД в Москве и 1 год и 3 месяца в саратовской тюрьме № 1. Жестокий и скорый по военному времени суд, приговоривший ученого к расстрелу, ожидание исполнения приговора в одиночной камере, надежда на избавление, данная представителем всесильного наркомата, трагичный поворот событий — высылка в числе тысяч других заключенных в Саратов в ночь панической эвакуации Москвы 15 октября 1941 г., снова одиночка, пересмотр решения суда и замена высшей меры на 20-летнее заключение зимой 1942 г., мучительная смерть, наступившая 26 января 1943 г.

Сведения об этом, добытые Ф. Х. Бахтеевым и М. А. Поповским, можно найти в уже упоминавшейся книге М. Поповского «Дело академика Вавилова» (в настоящее время готовится к выходу издательством «Книга») и С. Резника «Дорога на эшафот»,⁶ вышедших на Западе, и в статье академика А. Тахтаджяна, подготовленной по этим материалам и все-таки опубликованной «Литературной газетой» в дни юбилея Н. И. Вавилова.

Не рассчитывая на то, что каждому из читателей настоящей книги известны факты биографии Н. И. Вавилова, напомним, что выдающийся советский ученый родился в 1887 г. в семье московского купца, выходца из крестьян, ставшего совладельцем торгового дома «Вавилов и Удалов», учился в Коммерческом училище, затем в Московском сельскохозяйственном институте и завершил образование в Англии и Германии, куда был командирован в 1913 г. Московским сельскохозяйственным институтом (МСХИ). Революция застала Н. И. Вавилова в Саратове, где он преподавал на Высших сельскохозяйственных курсах и руководил Саратовским отделением Бюро прикладной ботаники СХУК. За 3 года, проведенных в Саратове и бывших годами самоотверженной работы в условиях непосредственной близости фронтов гражданской войны, Вавиловым были опубликованы фундаментальные исследования, принесшие ему мировую известность: выполненное им ранее экспериментальное исследование по иммунитету растений к инфекционным заболеваниям и завершённая в первом варианте к 1920 г. теоретическая работа в области эволюционного учения, известная как закон гомологических рядов в наследственной изменчивости. Кроме того, им была продумана обширная комплексная программа изучения культурных растений и создан коллектив единомышленников — ботаников, селекционеров, растениеводов. Эти достижения и составили научный багаж, с которым в 1921 г. Вавилов, приглашенный занять должность заведующего Отделом прикладной ботаники СХУК, приехал в Петроград.⁷

Вскоре СХУК будет реорганизован в Государственный институт опытной агрономии, руководимый Н. И. Вавиловым, а Отдел прикладной ботаники — во Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур, в свою очередь претерпевших немало реорганизаций в бурное время, когда методом проб и дорогих ошибок создавалась система советских государственных научных учреждений.

Энергичный и увлеченный идеей обновления земли, идеями перестройки сельского хозяйства страны на социалистических началах, облегчающих, по его мнению, более полное использование в земледелии достижений агрономической и биологической науки, Вавилов в 1925 г. предлагает программу исследований, получившую одобрение как коллег-ученых, так и руководства ведомств, которым подчиняется и от которых получает финансирование первый всесоюзный институт. Идею его организации разделили с Вавиловым и вошли в научный совет нового института — ядра будущей Всесоюзной академии — такие ученые, как Н. М. Тулайков, Н. К. Кольцов, Л. С. Берг, Д. Н. Прянишников. Председателем президиума института стал ученый и государственный деятель Н. П. Горбунов. К этому времени исследования Вавилова в области генетики иммунитета растений, закономерностей эволюции уже широко известны; в следующем, 1926 г., выходит его работа о центрах происхождения культурных растений. В 1926/27 г. ему удастся осуществить экспедиции, высоко оцененные современниками, позволившие ему далеко продвинуть теорию, много давшие и для практического растениеводства. Он уверенно ведет «корабль института» от растениеводства к «растениеведению», что значительно шире.

Казалось бы, все удается Вавилову, и в литературе о нем сложилось мнение, что он начинал свою деятельность в Петрограде в советское время в режиме наибольшего благоприятствования, достигнув вершины славы и карьеры к 1929 г. Напомним, однако, что это было время тяжелой разрухи, бытового и всяческого неустройства в стране, обескровленной гражданской войной. И при этом институт Вавилова, носящий громоздкое даже в аббревиатуре название — ВИПБиНК — уже к концу 20-х гг. становится уникальным по существу деятельности и по форме организации научным учреждением. Ничего подобного в мире не было (разве что вашингтонский Департамент земледелия с его Бюро прикладной ботаники, но условия функционирования их несравнимы с советскими), так что мы и теперь вправе склонить голову перед памятью талантливого организатора этого прекрасного работающего гиганта.

Сохранились две оценки этого учреждения современниками Вавилова. В 1925 г. английский генетик У. Бэтсон, глубоко почитаемый Вавиловым как учитель, прибывший в Петроград для участия в юбилейных торжествах по случаю 200-летнего юбилея Российской академии наук, посетил институт. В статье, представленной им как отчет о визите в Россию от имени группы английских ученых, Бэтсон писал: «Среди вновь организованных учреждений биологического характера наиболее деятелен Институт прикладной ботаники и растениеводства. Работа осуществляется под руководством проф. Вавилова, который уже заложил основы в этой области, собрав 350 сотрудников, из которых 200 — опытные работники. В своих путешествиях в Туркестан, Афганистан и сопредельные страны и посредством своих корреспондентов он собрал коллекцию пшениц, овсов, ржи и т. д. Основная резиденция расположена в Ленинграде и занимает большое здание, которое является живым музеем возделываемых растений. Только пшениц в коллекции 13000 образцов. В различных частях страны институт имеет 12 подчиненных ему станций. Кроме цитологического отдела, которым заведует проф. Левитский, приглашенный Вавиловым из Киева, в институте существуют еще такие специализированные отделы, как метеорологический и др. Исключительное внимание уделено исследованиям по географическому распределению культурных растений, особенно в том, что касается их происхождения, а эти исследования уже привели к ряду оригинальных заключений».⁸

Напомним, что эта оценка относится к 1925 г., т. е. институт только-только организован, а У. Бэтсон — человек весьма сдержанный в выражении чувств. Двумя годами позже Ю. А. Филипченко в статье «Успехи генетики за последние 10 лет (1918—1927) в СССР» оценивает и деятельность Н. И. Вавилова. Выделяя в молодой науке три направления, «возникшие под влиянием более старых биологических дисциплин — систематическое, морфологическое и физиологическое», он отмечает, что первое, являющееся по преимуществу русским и на Западе, среди «заграничных генетиков», почти не представленное, «неразрывно связано с именем Н. И. Вавилова, который вот уже в течение свыше 10 лет отдает все свое время и силы на разработку того отдела генетики, для которого автор этих строк (Ю. А. Филипченко) предложил термин „групповая изменчивость“. Большой заслугой Вавилова является внесение в эту область чисто генетических приемов исследования, позволивших ему открыть, как можно думать, основной закон данного явления — закон гомологических рядов групповой изменчивости.

Под руководством Вавилова и при участии громадного числа сотрудников во Всесоюзном институте прикладной ботаники и новых культур, разросшемся до размеров громадного учреждения американского типа из скромного Бюро прикладной ботаники, основанного Р. Э. Регелем, ведется интенсивнейшая работа <...> Работа этого учреждения привлекает к себе общее внимание и должна быть поставлена на первое место среди наших достижений».

Как видим, оценка Вавилова обоими учеными мирового уровня, авторитетнейшими европейскими генетиками, высока, но она в первую очередь относится к деятельности Вавилова — организатора научных исследований. Бэтсон ни слова не говорит о Вавилоче-генетике, а Филипченко сужает его научные интересы до систематического направления. Кроме того, Бэтсону чужд присущий Вавилову взгляд на науку как на «путь к осчастливлению человечества» (в своей статье-отчете он, не называя имени Вавилова, иронизирует по этому поводу, замечая, что «мы, по-видимому, вкладываем разный смысл в понятие „наука“)». Это задевает Вавилова, о чем он пишет своему другу и единомышленнику Г. Д. Карпеченко — молодому генетику, приглашенному им в институт. Совершенно искреннее и глубокое убеждение Николая Ивановича в невозможности разделения науки на «чистую науку и прикладную» он исповедовал всегда. «Я не очень различаю „чистую“ и прикладную ботанику, — писал он 27 июня 1922 г. В. А. Петрову, — и думаю, что иногда прикладные ботаники работают

больше над чистой наукой, чем чистые ботаники, и в это понимание не вкладываю ничего субъективного, а просто исторически это в большей мере верно, но пути бывают разные...».⁹

Поэтому им естественно была воспринята та установка на неперемнную связь науки с практикой, которая так настойчиво насаждалась в стране, особенно с конца 20-х гг.

Эта мысль, вынесенная на обсуждение Международного конгресса по истории науки и техники в 1931 г. докладом Н. И. Бухарина, вызвала резкую критику со стороны западных ученых, но была поддержана Д. Берналом, писавшим: «От этой связи выигрывают обе стороны: не только промышленность получает от науки быстрое решение проблем и предложение новых методов производства, но и наука получает от промышленности в свое распоряжение значительные фонды, организацию, возможность экспериментов в масштабе крупного производства и, наконец, самое важное — *воодушевление проблемами практической жизни и интеллектуальную кооперацию работников*» (курсив мой. — Е. Л.).¹⁰ Напомним, что Н. И. Вавилов был участником этого конгресса.

В среде коллег эта позиция Н. И. Вавилова не находила полного понимания и поддержки. Ее реализация требовала огромных усилий в направлении организации, отнимающих у него, как у исследователя, бездну времени, особенно в условиях массовой неустроенности первых лет социалистических преобразований. Даже внутри своего института, среди своего ближайшего окружения, Николаю Ивановичу многократно приходилось объяснять и убеждать, что «ведя большую машину, каковую представляет собой институт, мы, конечно, делаем это, не потому, что имеем склонность быть метрдотелями по устройению сотрудников и комфорта, а потому, что понимаем, что при всех дефектах такого рода может дать огромный эффект даже практически. Это есть наш символ веры...».¹¹ «Смысл нашего учреждения его безусловная полезность стране, — напоминает он еще тверже А. Т. Кирсанову, находившемуся в 1926 г. в Нью-Йорке и не соглашавшемуся с требованием директора составлять обзоры основных направлений исследований в западных научных учреждениях для института, сильно ограниченного в то время в поступлении литературы из-за границы. — Я привык ставить интересы дела выше своих личных и думаю, что это общее положение, на котором строится научная работа больших учреждений <...>, и в нашем учреждении действительно, может быть, существует, для Вас несколько неприятная, дисциплина. Наряду с той личной работой, которую Вы делаете и которую мы ценим, не менее важным мы считаем выполнение организационной работы составления обзоров, рефератов. Индивидуальность при этом нисколько не умаляется, ибо если Вы учтете, что делают Иогансоны, де Фризы, Бетсоны, Гольдшмидты, Морганы для подытоживания работ, то Вы сможете сами убедиться, что это вполне совместимая вещь <...>».¹²

Свойственный Вавилову в большой степени альтруистический подход к делу глубокого исследования, проявлявшийся, в частности, в требовании к сотрудникам подытоживать свои работы, составлять монографические описания культур, с которыми они работают, прежде чем двинуться в работе дальше, тоже не всегда находил среди них понимание. Иначе переписка Вавилова с ВИРОм, опытными станциями не была бы так полна просьбами, бесконечными напоминаниями о необходимости сдать вовремя рукописи, убеждениями в значении «бессмертных» обобщающих трудов. Считалось также, что Вавилов слишком много времени тратит на организацию практической селекции.

В Академии же сельскохозяйственных наук, в Наркомземе, Совнарком СССР, а позднее и в руководстве «большой» Академией его деятельность рассматривалась как недостаточно ориентированная на решение практических задач повышения продуктивности сельскохозяйственного производства, что стало для него неизменно в вину.

Еще молодым человеком, в 1912 г., в актовой речи, подготовленной к выпуску

на Галицинских курсах по теме «Генетика и ее отношение к агрономии», Вавилов убеждал слушателей, что часто открытия, существенные для агрономии, делают люди, чуждыми агрономическими специальностями, на объектах исследования, которые сами по себе не имеют никакого практического значения. В конце 30-х гг. в биологических дискуссиях, навязанных советским ученым догматиками, далекими от науки, Вавилов терпеливо и мужественно отстаивал право на существование исследований в области классической генетики — фундаментальной науки, имеющей огромное значение для практической деятельности человека.

Подвергаясь таким образом критике с обеих сторон, Вавилов в действительности представлял собой уникальный тип ученого, сочетавшего в себе черты лидера научного направления, глубокого теоретика, понимавшего значение теории для решения практических задач, и талант выдающегося организатора научно-исследовательской работы. В искренность стремления Вавилова поставить науку на службу социалистическому строительству — читай на службу человечеству — не все и не всегда верили. И в современных оценках проскальзывает другой оттенок слова «служить»: Вавилов выполнял заказы правительства, в обмен получая возможность широкой постановки экспериментальной работы, — полигоном его исследований был весь Союз со всем разнообразием почв и климатических зон. Кто еще из ботаников мира имел такие условия? Поставленные им благодаря этому так называемые географические опыты позволили сделать крупные теоретические обобщения, перейти от общепринятой, чисто морфологической классификации культурных растений к естественной, емкой и информативной агроэкологической.

Сама по себе идея географических посевов гениальна и в практическом использовании: выявляемая здесь географическая изменчивость (т. е. не что иное, как фенотипическое проявление генотипа) обнаруживает скрытые возможности видов и сортов, которые могут быть использованы не только для скрещивания, но и непосредственно. Казалось бы, при таких результатах какие могут быть обвинения в отрыве от практических задач? Беда в том, что этот подход Вавилова требовал кропотливого и нескорого труда, а во времена, когда господствовало наделенное властью нетерпение, не было места систематической работе. Отсюда упреки Вавилову в академизме, преследовавшие его с конца 20-х гг.¹³

В то же время существовал некоторый, присущий академической науке налет снобизма в отношении исследований, связанных с практикой, что тоже накладывало отпечаток на оценки деятельности Вавилова: не было принято, чтобы ученый его ранга и положения лично доводил свои исследования до внедрения. Вавилов же увлеченно работал в *этих* условия, в *это* время, будучи человеком, совершенно лишенным, как мы уже пытались показать, предрассудков и предубеждений в отношении прикладных исследований. Он не гнушался вообще никакой работой, и экспедиции ему удавались прежде всего потому, что, продуманные и целенаправленные, они были и организованы им самим. Возможно, здесь не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что ученый был выходцем из деятельной купеческой семьи, получил образование сначала в коммерческом училище, удачно сочетавшем естественное образование с комплексом дисциплин, необходимых для предпринимательской деятельности.

Задача переустройства земледелия на социалистических началах на основе научной теории импонировала Вавилову, при его целеустремленности и работоспособности темп, принятый в середине 20-х и возраставший к началу 30-х гг., был ему по плечу. Он принимал социализм в идеальных его формулировках. Откликаясь на лозунг «науку — на службу социалистическому земледелию», он выступал на V Съезде Советов, на XVI партконференции с конкретными предложениями по разворачиванию сети научно-исследовательских станций, охватывающей все регионы, был готов без устали читать лекции на курсах по генетике, селекции и семеноводству, отвечал на письма крестьянской артели в Пензенской

обл. (чуть позже его институт обвинили в снабжении семенами кулаков). Человек в высшей степени организованный в своих занятиях, он принимал идею планирования науки, развиваемую Н. И. Бухариным; вслед за Всесоюзной конференцией по планированию науки в 1931 г. провел в июне 1932 г. Совещание по планированию генетико-селекционных исследований.

Программа социалистических преобразований в деревне на деле выливается в насильственную коллективизацию и раскулачивание, а идея планирования вырождается в жесткий контроль, становящийся частью репрессивного аппарата, — все превращается в свою полную противоположность в том театре абсурда, каким была политика сталинского руководства в отношении своего же народа. Если в 1929 г. Вавилов писал Карпеченко, работавшему в это время в Калифорнии у Т. Моргана: «Темп начинается по линии тракторизации, освоения площадей, таков, что, пожалуй, и скептики скоро начнут верить», то в 1932 г. в отчете, поданном ему выезжавшей недалеко, в Ленинградскую же область, сотрудницей института, он читает, что трактора в обследуемом колхозе нет и вообще «никакой техники в селе ни разу не получали». Вернувшись в 1933 г. из поездки в США, Вавилов узнает о голоде на Украине. Что должен он предпринять в такой ситуации? Он удваивает усилия по производству семенного зерна, сопротивляется решению передать сортоиспытания семенным станциям, не имеющим достаточно квалифицированных кадров, сам следит за их работой.

К нему как к президенту ВАСХНИЛ очень много претензий: то его обвиняют в увлечении селекцией, привлечении иностранных сортов и забвении местных, положенных, как оказалось, в свое время в основу заграничных, канадских, например; то, напротив, в преувеличении значения местных сортов и в отказе от закупок высокоурожайных образцов западной селекции. Еще некоторое время спустя — в увлечении дорогостоящими и неэффективными методами селекции на основе установлений «формальной» генетики и, наконец, следуют прямые обвинения во вредительстве. Бывший объектом претензий и упреков, постоянно вынужденный защищать институт, свое дело, своих сотрудников (копиями писем такого содержания полон архив ВИРа) еще при жизни руководителей, с которыми он все же мог говорить на одном языке, такими как Н. П. Горбунов и С. М. Киров и, наконец, как Я. А. Яковлев и А. И. Муралов, Вавилов после их гибели сам был обвинен и арестован.

Современный читатель, желающий разобраться в событиях нашего «непредсказуемого прошлого», непременно задает вопрос: понимал ли Вавилов, что трагедия надвигается, отдавал ли себе отчет в происходящем. Заметим сразу, что попытки ответить от имени Николая Ивановича Вавилова, почему он поступил так или иначе (в защите же он просто не нуждается), неправомерны. Все же некоторые предположения о его состоянии в критические периоды жизни, каких было немало, можно сделать, тем более что сохранившиеся документы дают такую возможность.

Погруженный в научную деятельность, Вавилов тем не менее занимал активную гражданскую позицию. Крупный ученый, он принимал идею использования науки как рычага в преобразовании несовершенного, рутинного способа общественного производства в более эффективный. Он был не только свидетелем, но и участником становления государственной системы организации научных учреждений в своей области знания. На его глазах совершались непрерывные реорганизации и перестройки этой системы: ВАСХНИЛ, организованная реально в 1930 г., уже в 1935 г. декретным образом перестраивалась, менялись требования наркоматов, финансировавших научные учреждения. Лишенные самостоятельности, эти учреждения вынуждены были существовать в условиях диктата, и в этих условиях Вавилову удавалось ценой неподдающихся оценке усилий делать огромное дело, в последние годы жизни почти буквально заслоняя его собой от погрома и разорения. Создается впечатление, что он делал это сознательно, мужественно, сознавая вполне трудности и все возрастающие пре-

пятствия. Вспомним, что кроме знаменитого вавиловского «Жизнь коротка, надо спешить», им было сказано Н. М. Тулайкову еще более определенно и весомо: «Дождаться некогда, пока настанет лучшее время». Суровая действительность второй половины 30-х гг. уже не располагала к иллюзиям, но все же предвидеть размах последовавших репрессий вряд ли было возможно. Периоды жестокого нажима чередовались с его ослаблениями, и тогда с новой силой вспыхивала надежда, пожалуй, неудивительная при той увлеченности делом, какое было характерно для Вавилова и его близкого окружения.

Вот некоторые из многих свидетельств того, как верилось Вавилову в благополучную развязку вновь и вновь возникающих в эти годы трудностей.

Еще в 1921 г. началась активная переписка между Н. И. и сотрудником Вашингтонского департамента земледелия М. О. Шаповаловым, вынужденным эмигрировать из России еще во время революции 1905 г. Одержимый мыслью репатрироваться в Советскую Россию, Шаповалов встречает поддержку Вавилова, который берет на себя ходатайство о предоставлении семье Шаповалова въездных виз. Особенно активно ведутся переговоры в 1930 г., и вдруг Вавилов перестает обсуждать проблему приглашения им Шаповалова. Последний недоумевает, но в октябре 1931 г. он получает отправленное Вавиловым из Берлина письмо, объясняющее причину молчания. «Пользуюсь случаем написать Вам коротенько причины того, что до сих пор мы не послали Вам официального приглашения к нам <...>. В связи с обвинениями в контрреволюции <...> немало людей пострадало зря <...>. Никто из нас не мог Вам гарантировать нормальной работы <...>. Писать об этом неприятно. Многое в прошлом. *Многое стало лучше. Работаем и будем работать* (курсив мой. — Е. Л.) <...> Делается большое дело <...>. И в заключение: «Простите за это откровенное письмо, написанное притом оптимистом»¹⁴ — вот где виден вавиловский характер.

В этом же письме: «Наши субтропики (специалисты) пережили и переживают общие трудности (Шаповалов — специалист по субтропическим культурам. — Е. Л.). Но, думаю, изживем».

Другое письмо, датированное 29 августа 1931 г. и адресованное заместителю Председателя ЦИК СССР П. Г. Смидовичу,¹⁵ объясняет, что имел в виду Вавилов:

«Уважаемый Петр Гермогенович,

Три месяца тому назад в Сухуми был арестован директор Субтропического отделения Всесоюзного института растениеводства агроном Николай Данилович Костецкий; месяцем позже были арестованы старшие научные сотрудники: Валентин Федорович Николаев, лесовод Сергей Григорьевич Гинкул и садовод Антон Константинович Куровской.

<...> Мы знаем этих работников как исключительно преданных делу и как участников социалистического строительства.

<...> Я позволю себе обратиться к Вам с ходатайством об ускорении рассмотрения дела Костецкого, Николаева, Гинкула и Куровского с просьбой учесть исключительную потребность в научных работниках по субтропическим культурам в настоящее время.

Президент Академии с.-х. наук им. В. И. Ленина
Директор Института растениеводства, член ЦИК СССР <...>»

Названные сотрудники Сухумского отделения ВИРа были вскоре — на этот раз — освобождены. Как тут не быть оптимистом и чего стоят упреки И. В. Якушкина¹⁶ в том, что Николай Иванович причастен к арестам, поскольку, как утверждает он, без ведома директора учреждения сотрудники его арестованы быть не могут...

Тогда же, на рубеже 1929—1930 гг. к Вавилову обратился Ф. Г. Добржанский (вакансия находившегося длительное время в командировке Добржанского в Ленинградском университете закрылась) с просьбой предоставить ему по возвращении место специалиста в предполагаемой Вавиловым лаборатории по изучению географической изменчивости и генетики географических рас: «Ввиду этого у меня является смелость предложить Вам свои услуги по части работы в указанном выше направлении...». При этом он просит Вавилова, если будет возможно, зачислить его, ходатайствовать о продлении его командировки в США (заканчивающейся в апреле 1930 г.), так как «скорый отъезд отсюда погубил бы начатые работы»¹⁷ (по генетике дрозодилы. — *Е. Л.*).

Препятствия бюрократически-политического характера не позволяют Вавилову, готовому привлечь к работе у себя отличного специалиста, каким был Добржанский, добиться для него продления командировки.

Отметим, что еще в марте 1928 г. Н. И. Вавилов намеревался создать генетический отдел в Государственном институте опытной агрономии и уже тогда приглашал Добржанского, который не захотел принять предложения (см.: ЦГАНТД Ленинграда, ф. 318, оп. 1, д. 325, л. 47 и об., 48). Переписка затягивается, паспорта Добржанского и его жены оказываются просроченными, поскольку продление командировки и продление паспортов бюрократическим образом увязываются в одну проблему, для разрешения которой влияния Вавилова уже оказывается недостаточно [на официальном обращении Добржанского в Секретариат Академии наук СССР, датированном 2 декабря 1930 г., рукой неизвестного В. В. начертано: «Просить снести с тов. Добржанским в направлении указаний Н. С.» (там же, д. 368, л. 181)].

Переписка Добржанского и Вавилова этого периода сохранилась частично в Архиве Американского философского общества в Филадельфии и более полно — в фонде вавиловского института в Ленинграде, что позволяет, на наш взгляд, достаточно точно оценить позиции обоих адресатов: Добржанский проявляет осторожность, не решается вернуться в Советский Союз с просроченными паспортами, боясь политических обвинений, решительно не принимает условий работы в СССР, по сообщениям в западной печати представляя себе обстановку осязательного политического давления. Вавилов не скрывает от Добржанского, что, разумеется, условий, подобных калифорнийским, он предоставить не может и на уступки в чем-то пойти придется, но приглашает молодого коллегу присоединиться к нему в его усилиях делать дело здесь, дома, в России... Похоже, к концу переписки у патристически настроенного Николая Ивановича прорывается даже некоторое раздражение. Ф. Г. Добржанский отказывается и становится невозвращенцем. Наши современники знают его как выдающегося американского генетика, получившего образование в Киеве и с 1928 г. проживающего в США.

Нужно ли убеждать кого-либо в том, что Вавилов и Добржанский не в одинаковом положении: Феодосий Григорьевич не связан ничем (во всяком случае, интерес к своей научной деятельности, который является по существу его личным делом, преобладает над другими соображениями), в то время как за спиной Николая Ивановича — огромное дело, и не только его личное, за которое он чувствует ответственность. Не требуя мужества от других (по свидетельству проф. М. Адамса, Добржанский вспоминал, что в 1932 г. Вавилов, встретившись с ним, согласился с его выбором), сам Николай Иванович идет до конца.

Неисправимый оптимист, Вавилов, не теряя надежду на то, что разум возобладает, организует в 1933 г. новое научное учреждение, задумывая его как будущий центр европейской генетики, — Институт генетики АН СССР, расширяя и усиливая кадровый состав основанной покойным Ю. А. Филипченко Лаборатории генетики. И... приглашает (среди других ученых) Н. В. Тимофеева-Ресовского — крупнейшего специалиста по популяционной генетике, генетика № 1 в континентальной Европе, но, по советским понятиям, человека

сомнительной репутации: с 1925 г. он живет и работает в Германии... «Переговорил с Лабораторией — все желают видеть Вас в Ленинграде. Говорил уже и в верхах Академии, опять-таки Ваш приезд приветствуется, и мы делаем все от нас зависящее...», — пишет Вавилов в Берлин в апреле 1933 г., а в 1937 г. через уехавшего из СССР американского генетика Германа Меллера предупреждает Николая Владимировича, что ехать не следует.¹⁸

Выше уже было сказано о многочисленных конфликтах Н. И. Вавилова с руководством, непониманием его на этом уровне. Нужны были огромные усилия, для того чтобы убедить инстанции, от которых целиком зависела возможность продолжать работу в выбранном направлении. По существу вся жизнь Н. И. в науке была наполнена борьбой, и не только за идеи — за фонды, кредиты и проч. Конфликты эти начались не в середине 30-х гг., а практически с момента организации института. Его оппонентами при обсуждении программы в 1925 г. были многие, и в их числе А. Г. Лорх и А. К. Коль, в 1927 г. во время его отсутствия, президиум института, подогреваемый амбициозностью заведующего отделом интродукции Д. Д. Арцыбашева, выразил официально порицание директору за неумение организовать работу института, и Вавилов подавал в отставку, не принятую президиумом во главе с Н. П. Горбуновым.¹⁹

В 1931 г., также в отсутствие директора, предполагалась коррекция планов института, о которой Вавилов выразился вполне определенно: «<...> ведутся уже действия <...> по свертыванию отдельных частей работы, и только приезд директора из-за границы несколько умерил темп событий».²⁰ Уже здесь Вавилов указывает на то, что нормальное проведение всей работы поставлено под угрозу «благодаря легкомыслию ряда партийных товарищей, мало подготовленных и в то же время зараженных запалом критики и реформаторства».²¹ Были конфликты директора с институтом аспирантуры в это время, была неожиданная отмена юбилея института в 1935 г. ...²² Этих примеров достаточно, чтобы показать, что не было исключительного благоприятствования для «карьеры» Вавилова — был исключительным интеллект ученого, исключительными были его работоспособность и его личность.

Научный коллектив, с которым работал Н. И. большее время — коллектив ВИРа, вопреки распространенному несколько идеализированному представлению, тоже не был исключительным, профессиональный уровень сотрудников был очень разным. Высокпрофессиональное ядро сотрудников-единомышленников было собрано Вавиловым, часть его сотрудников приехала с ним из Саратова, некоторых — как Г. А. Левитского, Г. Д. Карпеченко, Л. И. Говорова — он пригласил из других научных учреждений. В общей массе сотрудникам, а их было до 1000 человек, работать под руководством Вавилова было трудно, он был, как легко видеть, просматривая хотя бы его переписку, человеком чрезвычайно требовательным, и нас вряд ли удивит, что кто-то и вздохнул с облегчением, когда в августе 1940 г. директор исчез: далеко не все выдерживали принятый Вавиловым и по существу навязанный временем темп. И все-таки та «аура» любви и уважения, в которой только и можно было сохранить уверенность в успех, существовала в ВИРе. Ее создавал прежде всего сам директор, умея каждого убедить в том, что именно его работа необходима чрезвычайно, умея в каждом младшем из младших сотрудников увидеть человека с его заботами и интересами. Профессиональное и моральное превосходство директора, доверие к нему не подвергались сомнению до поры, пока не обрушился на науку подавляющий массовый гипноз новоявленной «неодарвинистской агробиологии», нареченной мичуринской...

Горько сознавать, что рядом со светлым именем Н. И. Вавилова с неизбежной настойчивостью возникает имя Т. Д. Лысенко, бывшего по воле сложившихся в стране обстоятельств оппонентом действительных лидеров советской биологии в 30-е гг. Как известно, Лысенко продержался до начала 60-х гг., и только в наши дни лысенковщина стала синонимом вызывающего невежества, агрес-

сивной некомпетентности, одного из действенных методов сталинской политики террора. Можно только повторить положение, ставшее уже общим местом в работах по истории отечественной науки: наука советского периода развивалась в жестких рамках государственной политики. Поэтому справедливо утверждение Даниила Владимировича Лебедева о том, что история противостояния ученых-биологов «облысению науки» в 30—40-е гг. есть не столько страница истории науки, сколько страница гражданской истории, истории партии.

Центральной фигурой в биологических дискуссиях второй половины 30-х гг. был Н. И. Вавилов, персонально ему была адресована большая часть претензий к биологической науке в целом: от абсурдно негативных оценок его научной деятельности до политических обвинений во вредительстве, идеологическом противостоянии социалистическому строительству, космополитизме.

В литературе о Вавилове в оценке событий, непосредственно предшествовавших дискуссиям, а также при обсуждении мотивов поведения ученого в разные моменты сложнейшего периода его жизни последних пяти лет на свободе распространено мнение о том, что именно «поддержка» Николая Ивановича была решающей в возвышении Лысенко и роковой для его личной судьбы. Публицисты прямо называют «покровителем Лысенко» Вавилова,²³ бывшего «баловнем нового строя первые 15 лет после революции»,²⁴ и вся история излагается в соответствии с притчей: «Вскормил кукушку воробей, бездомного птенца, а он возьми да и убей приемного отца».

Обратим внимание и на другие стороны обвинений (именно обвинений, а не упреков) в адрес Вавилова: он должен был предусмотреть последствия усилившегося у него на глазах влияния Лысенко, а не защищать перед неучем положения классической генетики — это очевидные истины, не нуждающиеся в защите. Задача ученого ранга Вавилова состояла, по рассматриваемой версии, в том, чтобы очертить масштабы грозящей катастрофы и тем самым предотвратить ее.

В той или иной форме положения, приведенные здесь в кратком и слегка утрированном виде, высказаны М. Поповским, Ж. Медведевым и В. Соيفером, подхвачены другими публицистами. Кроме того, в этом же тоне сформулированы претензии к Н. И. Вавилову крупным генетиком академиком Н. П. Дубининым и известным историком генетики А. Е. Гайсиновичем — более молодыми современниками Вавилова, живыми свидетелями обсуждаемых событий.

К счастью, к настоящему времени уже существует обширная литература о Николае Ивановиче, опубликовано множество документов и воспоминаний о нем, ознакомившись с которыми можно составить представление о его личности. Поэтому возьмем на себя смелость утверждать, что Николаю Ивановичу было свойственно качество, не так часто встречающееся среди ученых и в то же время присущее великим среди них: он не боялся никого «пустить в свой огород» и приветствовал каждого, кто потенциально мог содействовать успеху в решении важной проблемы. Его позиция как специалиста была предельно открыта: все решает эксперимент.

Когда в конце 20-х гг. Лысенко выступил со своими предложениями, Вавилов поддержал исследования по яровизации, не высказываясь за немедленное перенесение этого агротехнического приема повсеместно на поля. Он предполагал провести ценные образцы ВИРовской коллекции через яровизацию, ввести этот, подчеркиваем, экспериментальный прием и в систему географических посевов: такой шок, своего рода стрессовая ситуация для растений позволяла выявить скрытые возможности генома. Теория же стадийности в физиологии растений, приверженцем которой был Лысенко, имела право на существование наравне с другими, пока не придуман, не сконструирован эксперимент или система экспериментов, ее опровергающих. Вавилов поддерживал *эксперимент, исследование* и выступил немедленно против, когда стали явными попытки Лысенко на монополизацию, как выступил бы против монополизации любой идеи.

Отметим также, что речь о принятии Вавиловым Лысенко как коллеги по научному поиску может идти лишь до момента выступления самоуверенного агронома с отрицанием хромосомного пути передачи наследственности.

Распространено также мнение о том, что вирусские профессора сразу с большим скепсисом отнеслись к сообщениям Лысенко, но доверчивый Вавилов не посчитался с их мнением, подавил всех своим авторитетом и «подал» Лысенко. Это легко опровергнуть, сославшись на имеющуюся в фонде ВИРа стенограмму заседания научного совета, состоявшегося 1 сентября 1929 г.²⁵ Слушался доклад Т. Д. Лысенко «Вопрос об озимости». Стенограмма фиксирует скромность докладчика при обсуждении его приоритета в отношении метода закаливания семян холодом, полный восторг профессоров В. В. Таланова, Н. А. Максимова, В. Е. Писарева («Расхождение докладчика с точкой зрения, которой придерживаются физиологические лаборатории ВИПБиНК, — небольшие <...> Доложенная работа в высшей степени ценна и интересна»);²⁶ Таланов отмечает осторожность и скромность (!) докладчика и ставит вопрос о привлечении его в институт; Писарев особо отмечает те возможности для селекции, которые открывает применение метода охлаждения.²⁷ В заключительном слове докладчик сообщает, что ввиду спешных работ он в настоящее время не может написать доклада для печати, он не претендует на приоритет, но твердо заявляет, что если пошатнется основное положение, если окажется, что озимые и яровые злаки не одно и то же, то он не в состоянии будет вести дальнейшие физиологические работы...²⁸

Вавилов на заседании отсутствует: он в экспедиции (Дальний Восток, Япония, Китай). На следующем докладе Лысенко в ВИРе в 1935 г. обстановка уже иная: Лысенко нагл и уверен, профессора поддерживают Лысенко с небольшой оговоркой, Вавилова и здесь нет: он в Закавказье. Правда, находясь в отъезде, Вавилов не прерывал связи с коллегами, прежде всего с институтом, и постоянно был в курсе происходящих в нем событий. Знал он и о визитах Т. Д. Лысенко.

За время, прошедшее от первого визита Лысенко в ВИР в 1929 г. до его взлета в 1935 г., он получал эффективную поддержку независимо от Вавилова — от Наркомзема СССР и выше. Напомним, что обращение Н. И. Вавилова к Лысенко в Одесский селекционно-генетический институт от 29 марта 1932 г., часто цитируемое, начинается словами: «по поручению наркома», т. е. наркомат, которому подчинялся ВИР, обязывал его, директора, оказывать содействие агроному Лысенко.²⁹

Отвечая на упрек современных критиков позиции Н. И. Вавилова на дискуссии 1936 г., следует иметь в виду, что необходимость в ней была очевидна: идеи Лысенко были близки как агрономам-опытникам, не вникавшим в механизм наследственности, так и научным сотрудникам, работавшим с отдельными культурами и не занимавшимся непосредственно генетическими экспериментами. Утрированное толкование менделевских законов, положений теории о неделимости гена не находило понимания в широкой среде специалистов, работавших в сельскохозяйственной и биологической науке, и игнорировать этого было нельзя. «Понимая филогенетику и онтогенез, мы видим, что культурники находятся ближе ко всем идеям Лысенко», — это слова Е. Н. Синской, одной из сотрудниц Н. И. Вавилова в ВИРе. «Сам Георгий Дмитриевич, — продолжает Синская, отвечая Г. Д. Карпеченко на дискуссии по его докладу в 1936 г., — говорит, что беда генетики заключается именно в том, что генетика отделена от фенотипа "китайской стеной", и, по-моему, заслуга Трофима Денисовича в том, что он хочет найти промежуточное звено между фенотипом и генотипом...».³⁰ Приведенные цитаты — а это мнение не недоучки-аспиранта, а автора многих работ по ботанике, перешедшей, как она сама говорит, «от систематики на селекционную работу», — нужны не для того, чтобы разделить ответственность между Вавиловым и его сотрудниками, но для того, чтобы лучше понять обстановку.

Наблюдаемые Лысенко в эксперименте с пшеницей «Кооператоркой» бес-

спорные, как отмечали его оппоненты-генетики, факты истолковывались им совершенно превратно, прямо-таки с диких позиций. Реальное же объяснение, основанное на признании гетерогенности исходной формы, возможности ее расщепления и отбора в процессе эксперимента, не принималось. В попытке постановки проверочного эксперимента, как это предлагал Вавилов, нет ничего предосудительного. Дискуссия была нужна, и не вина ученых, что она приняла крайне уродливые формы.

Дискуссия 1936 г., как мы видим, возникла не вдруг, к ней готовились. В ВИРе, как и в других учреждениях, прошла уже упомянутая конференция, довольно мирная (основной доклад делал Г. Д. Карпеченко), президиумом ВАСХНИЛ был предварительно выпущен сборник статей по спорным вопросам развития генетики.³¹ В том, что Вавиловым она воспринималась как научная (он даже рассматривал ее как смотр генетических сил перед предстоящим международным конгрессом в Москве), сходятся, пожалуй, все авторы, в той или иной форме затрагивающие эту проблему, и это естественно. Она действительно была смотром сил, к сожалению, не только генетических, но и растущих сил догматиков, противостоящих научной биологии. Позиция Вавилова на дискуссии историками единодушно оценивается как оборонительная и осуждается с большими или меньшими оговорками. Общий итог — призыв Вавилова к взаимному уважению и экспериментальной проверке спорных положений не имел успеха. В период между дискуссиями агрессивность оппонентов генетиков существенно возросла, вторая «встреча», состоявшаяся в октябре 1939 г., носила еще более обвинительный характер. По мнению и ее участников, и историков, позиция Вавилова в ней носила иной характер: он сражался.

Определенный интерес представляет оценка хода и итогов дискуссий их участником Н. П. Дубининым.³² В 1936 г., по мнению Н. П. Дубинина, Н. И. Вавилов в своем докладе не ответил на обвинения «в том смысле, что уклонился от прямой атаки неверных утверждений Лысенко». Высказывается также упрек Н. И. Вавилову и А. С. Серебровскому в том, что они не прогнозировали последствия дискуссии для сельского хозяйства.³³ Мотивы поведения Вавилова на дискуссии вряд ли вызывают сомнения: этика ученого не позволяла использовать методы давления и обвинений, Вавилов предпочитал «противопоставить брани» убедительные факты, которых уже достаточно.³⁴

Никаких экспериментальных данных в пользу необходимости «отхода от традиционных методов» Вавилов не видит и не предполагает, что после дискуссии эти «традиционные методы» будут повсеместно оставлены.

В 1939 г. он впервые вынужден говорить о «практической значимости расхождений», ставшей очевидной за три прошедших года. Вавилов объясняет, что логика развития генетики как науки такова, что она естественно переживает отход от задач практической селекции, в генезисе науки необходим период накопления знания, его оформления. Этот период в развитии генетики был отмечен всюду, во всей мировой науке, но нигде это не ставилось в вину ученым. «Нет ни одной науки, которая сделала бы все», — отвечает на подобные же упреки Г. Д. Карпеченко в дискуссии после своего доклада в ВИРе. «Генетика дала теорию, чтобы можно было работать в области практики», — дополняет его молодой аспирант М. Е. Лобашев.³⁵

[Г. Д. Карпеченко, бывший заведующим генетическим отделом в пушкинских лабораториях ВИРа, разделил судьбу своего учителя: в январе 1941 г. он был арестован и умер в тюрьме в 1942 г. В отчете о деятельности отдела за 5 лет, затребованном сразу после ареста Н. И. Вавилова (датирован сентябрем 1940 г.), он сообщил, что эксперимент, поставленный для проверки основных положений Лысенко, не подтвердил его выводов (Архив ВНИИР им. Н. И. Вавилова, д. 143^а, л. 79—82).

М. Е. Лобашев, генетик, впоследствии доктор биологических наук, профессор ЛГУ, один из пионеров исследования химического мутагенеза.]

Острота постановки вопроса о связи науки и практики в этот период в нашей стране, как уже отмечалось, носила беспрецедентный характер. Это во многом определило характер дискуссии и послужило еще одной причиной не только восхождения, но и длительности времени засилия Лысенко и его сторонников.

Н. И. Вавилов, всегда критически относившийся к своей деятельности, признавал, что им и под его руководством Всесоюзной, как он говорил, Ленинской академией, за которую он по-прежнему чувствовал себя ответственным, делается все еще недостаточно, для того чтобы достичь в селекции успеха, необходимого для повышения продуктивности сельскохозяйственного производства. И это оказывается поводом для обвинения ученого не только в трагические для него дни, но и теперь, спустя более чем 50 лет.

Н. П. Дубинин, присутствовавший на дискуссии, упрекает Вавилова в том, что он, сделав такое признание, сам спровоцировал критику в свой адрес. Не странно ли это для человека, бывшего свидетелем трагических событий, который и сам пережил гонения?

Удивительно, что в такой аргументации «признания» Н. И. Вавилова как фактора, способствовавшего его травле, Н. П. Дубинин неожиданно солидаризуется с бывшим помощником прокурора И. Т. Шеховцовым, который, выступая в защиту выполнявшего «свой долг» следователя Хвата, приводит в качестве довода «признание» узником Вавиловым своей вины. «Я смог принять на себя вину, — писал Н. И. Вавилов из Саратовской тюрьмы 25 апреля 1942 г., — как руководящего работника, в отрыве моей работы от прямых задач социального производства и в выполнении мною в бытность мою президентом с.-х. академии (1930—1935 гг.) вредительских директив по руководству с.-х. наукой бывшего наркома земледелия СССР Я. А. Яковлева, кому непосредственно была подчинена с.-х. академия, таковы: игнорирование областного опытного дела, узкая специализация институтов, обоснование завышенных планов с.-х.»³⁶

Напомним, что это «признание» сделано Н. И. Вавиловым после следствия, «продолжавшегося 11 месяцев (около 400 допросов в течение 1700 часов)», а упоминавшийся нарком Я. А. Яковлев к моменту ареста Н. И. Вавилова был уже расстрелян.

Странен и перешедший упрек Дубинина Вавилову в том, что его генетическая школа стояла особняком, что он не придавал должного значения вкладу в науку отечественных генетиков. Высказывая этот упрек, автор исторических воспоминаний почти повторяет популярное в 30—40-е гг. обвинение в космополитизме, причем поводом для этого ему служат даже не личные впечатления конца 30-х гг., а текст лекции Вавилова, опубликованный в 1987 г., к сожалению, невнимательно прочитанный Дубининым и, видимо, поэтому неверно истолкованный. Напомним, что лекция была прочитана в конце 1939 г. не в ВИРе, а в Москве, в Институте генетики, и опубликованная ее часть³⁷ (небольшая, одна из пяти прочитанных Вавиловым лекций) посвящена связи между генетикой и эволюционным учением. В ней действительно не названы отечественные биологи, за исключением С. И. Коржинского и Ю. А. Филипченко, но они названы в других разделах курса. Существенно также, что в условиях насаждаемого негативизма в отношении «западных» ученых Вавилов в лекции сознательно сделал акцент на творчестве западных классиков генетики. Упрек несправедлив еще и потому, что Дубинину в 1988 г. не могут быть неизвестны статьи Вавилова, опубликованные во второй половине 30-х гг. и собранные в V томе избранных трудов Н. И. Вавилова в 1967 г., а в них не раз отмечен вклад в науку русских генетиков.

Необходимо исправить еще одну неточность, допущенную Н. П. Дубининым. На с. 187 книги «Вечное движение» автор пишет, что Вавилов «задумал создать сборник критических работ, в которых их авторы должны были отмежеваться от прошлых ошибок генетики и дать постановку ее важнейших проблем с марксистско-ленинских позиций». Это заявление звучит как утверждение *иници-*

тивы Вавилова в пересмотре генетики с марксистских позиций. Однако вот как пишет об этом же событии А. Е. Гайсинович: «Поручение подготовить критический пересмотр тяжким бременем легло на плечи Вавилова в последний трагический период его жизни». Полагаем, что прав А. Е. Гайсинович: ему, скрупулезному историку, наверняка известен текст специального решения Президиума Академии наук (от 22 III 1940 г.), фиксирующего это поручение академику Вавилову, а также текст стенограммы заседания президиума, не принявшего предложенный им проект издания:³⁹ не вышло из-под пера Вавилова разгрома генетики.

Заключая ряд примеров, иллюстрирующих трагическое, на наш взгляд, непонимание Н. И. Вавилова, нельзя не отметить реплику Н. К. Кольцова, также процитированную автором книги «Генетика: Страницы истории» (с. 81). Николай Константинович Кольцов бросает сидящему в президиуме собрания дискуссии 1936 г. Вавилову (он пока еще вице-президент ВАСХНИЛ) упрек в том, что он, Вавилов, не сможет решить студенческую задачу по генетике: картировать мутацию на хромосоме дрозофилы. Упрек не правомерен, что наводит на мысль об отсутствии взаимопонимания между ним и Вавиловым. Не останавливаясь на отношениях двух ученых, отметим, что уровень их интересов в области генетики был различен: тонкая структура гена и молекулярный механизм передачи наследственности у Кольцова и частная генетика видов, геногеография у Вавилова. Вспыльчивость Николая Константиновича простительна, он раздражен: Николай Иванович, по его мнению, недостаточно убедительно защищает генетику,⁴⁰ но это не снимает проблемы трагического непонимания Н. И. Вавилова подчас и его современниками.

Причиной же недостаточного понимания Н. И. Вавилова нашими современниками следует, вероятно, считать то обстоятельство, что, хотя гражданская реабилитация Н. И. Вавилова состоялась в 1955 г.,⁴¹ его научная реабилитация сильно затянулась вследствие продолжавшегося еще в течение многих лет пролысенковского влияния, кратковременности «хрущевской оттепели» и просто инертности историков, прежде всего историков биологий. Приходится с сожалением заметить, что среди историков науки дольше, чем среди биологов-экспериментаторов и теоретиков, длилось замалчивание имени Николая Ивановича: латентный период обращения историков к его творчеству был слишком велик. Некоторые из его исследований бегло упоминались лишь в учебниках по ботанике и селекции, в отдельных историко-научных работах по биогеографии, генетике, даже этнографии и лингвистике.⁴² Публиковались также материалы мемориальных конференций 1959, 1967 гг. (соответственно в 1960 и 1969 гг.), в 1980 г. были изданы доклады, представленные на специальное заседание Международного генетического конгресса в Москве в 1978 г., посвященное развитию идей Н. И. Вавилова в современной науке. Среди включенных в библиографический справочник отечественных трудов по истории естествознания первая работа, в которой Н. И. Вавилов назван как крупный биолог-эволюционист, датирована лишь 1980 г.⁴³

Недостатком многочисленных обзорных докладов и статей, включая юбилейные, на наш взгляд, является то, что в них деятельность Вавилова как бы распадается на отдельные составляющие. О нем много говорят как об авторе учения об исходном потенциале для селекции, авторе открытий в области закономерностей эволюции, меньше — как о генетике, больше — как о биогеографе и организаторе биологической и сельскохозяйственной науки в СССР. А между тем все эти направления его деятельности, включая и научно-организационную, составляют единую исследовательскую программу Вавилова, складывавшуюся с начала 20-х гг. и совершенствовавшуюся им до конца 30-х, уникальную по широте охвата проблем, масштабности и вместе с тем по глубине разработки отдельных ее частей. Это целенаправленная комплексная программа, подчиненная в высшей степени гуманитарной и не потерявшей своего значения в современных усло-

виях задаче мобилизации мировых растительных ресурсов для нужд человечества. Оценка сильных и слабых ее сторон, использование опыта Вавилова — организатора широкомасштабных научных исследований, анализ незавершенной части программы весьма актуальны. Исследуя с позиции сегодняшнего дня жизнь и творчество Николая Ивановича Вавилова, прерванные его трагической гибелью, приходится отметить, что многого мы еще не понимаем до конца, многое еще можем извлечь из его научного наследия, из его судьбы и ее уроков. Недостаточно только констатировать, как это уже делается, что так было и не могло быть иначе в условиях тоталитарного режима. Необходимы анализ, объяснение опыта истории, для того чтобы не ушли, как вода в песок, усилия сегодняшнего поколения ученых, вновь обращающихся к проблемам, над которыми работал Н. И. Вавилов. Возможности для осуществления такого исследования дают архивные материалы.⁴⁴

Примечания

¹ В непродолжительный период «хрущевской оттепели» журналисту М. Поповскому удалось получить доступ к следственному делу № 1500 — делу по обвинению Н. И. Вавилова. По материалам, собранным М. Поповским, им изданы: «Тысяча дней академика Николая Вавилова» // *Простор*. 1966. № 7 и 8; Дело академика Вавилова. США: Изд-во «Эрмитаж». 1983. 278 с.; *The Vavilov affair*. Arhon/Glia, 1985. В последующие годы ни одному из исследователей или публицистов разрешения на знакомство с материалами следственного дела Вавилова дано не было, и до недавнего времени факт публикации их на Западе препятствовал использованию этих сведений в советской печати.

² Николай Иванович Вавилов: Очерки, воспоминания, материалы. М., 1987.

³ *Бахтеев Ф. Х.* Николай Иванович Вавилов. Новосибирск, 1987. 269 с. (Опубликованная ранее в серии «Жизнь замечательных людей» биография Н. И. Вавилова С. Е. Резника в редакции 1967—1968 гг. была сильно сокращена. Глава книги «Дорога на эшафот» была издана в 1983 г. отдельным изданием (Париж; Нью-Йорк: Изд-во «Третья волна»).

⁴ Николай Иванович Вавилов: Из эпистолярного наследия 1929—1940 гг. М., 1987. (Научное наследство; Т. 10).

⁵ Правда. 1987. 25 ноября.

⁶ *Резник С.* Дорога на эшафот. 127 с.

⁷ Подробнее см.: Избрание Н. И. Вавилова заведующим Отделом прикладной ботаники. Публикация В. Д. Есакова//Н. И. Вавилов: Очерки, воспоминания, материалы. С. 417—430.

⁸ *Nature*. 1925. 7 нов. Р. 851.

⁹ Научное наследство. М., 1980. Т. 5. С. 55.

¹⁰ Цит. по: *Рубинштейн. М.* Соц. реконструкция и наука. 1932. № 2. С. 151.

¹¹ Из письма Г. Д. Карпеченко от 12 апреля 1926 г. (опубликовано: *Генетика*. 1987. № 11. С. 1219).

¹² ЦГАНТД Ленинграда, ф. 318, оп. 1, д. 89, л. 83.

¹³ См.: Ответ Н. Н. Вавилова Н. П. Горбунову от 24 ноября 1927 г. (Научное наследство. Т. 5. С. 306—310).

¹⁴ *Природа*. 1987. № 10. С. 101.

¹⁵ ЦГАНТД Ленинграда, ф. 318, оп. 1, д. 409, л. 134 и об.

¹⁶ *Поповский М.* Дело академика Вавилова. США: Изд-во «Эрмитаж». 1983. С. 126—127.

¹⁷ ЦГАНТД Ленинграда, ф. 318, оп. 1, д. 325, л. 10 (датировано 29.12.1929).

¹⁸ *Поповский М.* Дело академика Вавилова. С. 107.

¹⁹ Следует, вероятно, отметить, что руководить таким громоздким учреждением, каким сделался ВИПБиНК, было чрезвычайно трудно, особенно на первых порах. Осложняло дело организация отделений Всесоюзного института в республиках, и тот же президиум на своих заседаниях 1927 г. вполне серьезно обсуждал необходимость создания своей «конституции», регламентирующей права и обязанности отделений (ЦГАНТД Ленинграда, ф. 318, оп. 1, д. 122, л. 230—242).

²⁰ Научное наследство. Т. 5. С. 106.

²¹ Там же, с. 107.

²² Научное наследство. М., 1987. Т. 10. С. 274—276.

²³ *Сойфер В.* Горький нлод//Огонек. 1988. № 1. С. 26—29; № 2. С. 4—7, 31.

²⁴ *Поповский М.* Дело академика Вавилова. С. 99.

²⁵ ЦГАНТД Ленинграда, ф. 318, оп. 1, д. 230, л. 95—116.

²⁶ Там же, л. 96 и об.

²⁷ Там же, л. 98.

²⁸ Там же, л. 98 и об.

²⁹ Научное наследство. Т. 10, С. 165—166.

³⁰ ЦГАНТД Ленинграда, ф. 318, оп. 1, д. 1133, л. 25. В 1990 г. в издательстве «Наукова думка» выходит книга воспоминаний доктора биологических наук Е. Н. Синской.

³¹ Сборник дискуссионных статей по вопросам генетики и селекции. М.: ВАСХНИЛ, 1936 (на правах рукописи, тираж 1000 экземпляров).

³² Имеются в виду книги «Вечное движение» (М., 1975) и «Генетика: Страницы истории» (Кишинев, 1988).

Первая книга, выдержавшая уже 3 издания, несмотря на положительные и просто хвалебные рецензии в центральных газетах, подверглась серьезной критике, сущность которой сводится главным образом к тому, что изложение автором событий истории советской биологии тенденциозно, носит субъективный характер и, несмотря на авторитет автора, не может служить серьезным источником для историка. Среди специалистов имела хождение рецензия, написанная Д. К. Беляевым и П. Ф. Рокицким, направленная в выпустившее книгу издательство «Политическая литература», но так и не опубликованная. Претензии, в ней высказанные, в значительной степени могут быть отнесены и ко второй книге Дубинина в ее части, повторяющей содержание первой по освещаемому периоду времени (до конца 70-х гг.). В нее попали без изменения и прямые ошибки, например в датах жизни и деятельности Вавилова, повторены неточности и допущены новые. Поскольку книга нуждается в специальном рецензировании, в настоящей статье будут затронуты только вопросы, касающиеся изложения дискуссий.

³³ Дубинин Н. П. Генетика: Страницы истории. С. 67, 71.

³⁴ Цит. письмо к Г. Д. Карпеченко от 10 октября 1938 г. (Научное наследство. Т. 10. М., 1987. С. 384—385).

³⁵ ЦГАНТД Ленинграда, ф. 318, оп. 1, д. 1133, л. 72.

³⁶ Текст письма Н. И. Вавилова, адресованного Л. П. Берии, см.: Вавилов Н. И. Письма разных лет//Наука и жизнь. 1987. № 11. С. 111—112.

³⁷ Природа. 1987. № 10. С. 18—32.

³⁸ Гайсинович А. Е. Зарождение и развитие генетики. М., 1988. С. 273.

³⁹ ЛО ДАН СССР, ф. 803, оп. 2, д. 30, л. 47.

⁴⁰ Н. К. Кольцов был неудовлетворен ходом и результатом дискуссии, о чем писал председателюствовавшему на IV Сессии ВАСХНИЛ президенту акад. А. И. Муралову. Подробнее см.: Гайсинович А. Е., Россиянов К. О. Н. К. Кольцов и лысенковщина// Природа. 1989. № 5. С. 54—62.

⁴¹ См. публикацию бывшего военного юриста Б. Викторова, ведшего дело о реабилитации ученого//Наука и жизнь. 1988. № 5. С. 78—81.

⁴² Имеются в виду книга В. П. Алексеева «Становление человечества» (М., 1984) и фундаментальное исследование Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры» (Тбилиси, 1984. Т. 1, 2).

⁴³ Воронцов Н. Н. Синтетическая теория эволюции: ее источники, основные постулаты, нерешенные проблемы//Журн. Всесоюз. хим. о-ва им. Д. И. Менделеева. 1980. Т. 25. С. 295—314. См. также: Развитие эволюционной теории в СССР (1917—1970 гг.)/Отв. ред. Микулинский. Л., 1983; Мирзоян Э. Н. Теория эволюции и учение о доместикации животных//Журн. общей биологии. 1986. Т. 47. С. 463—467; Подробнее см.: Н. И. Вавилов. Материалы к библиографии. Вступительная статья проф. И. А. Захарова. М., 1987. С. 9—27.

⁴⁴ Подробнее об архиве Н. И. Вавилова см.: Научное наследство. Т. 5, 10, вступительные статьи В. Д. Есакова; Левина Е. С. Из первых рук//Знание — сила. 1987. № 6. 66—72.